

Борис Норман
Белорусский государственный университет
boris.norman@gmail.com

Boris Norman
Belarusian State University
boris.norman@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ФЕМИНИТИВОВ: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И МЕТАЯЗЫКОВАЯ ОЦЕНКА

THE PROBLEM OF FEMINITIVES: OBJECTIVE REALITY, LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD AND METALINGUISTIC ASSESSMENT

Проблема женских *nomina agentis*, или феминитивов, составляет одну из болевых зон славянской грамматики. Образование женских номинаций от мужских основ в различных славянских языках характеризуется разной степенью регулярности. В русском языке фоном для этого словообразовательного процесса служит наличие большого количества существительных «общего рода», могущих называть как мужчин, так и женщин (*неряха, забияка, зануда, лидер, товарищ* и т. п.). Особенности функционирования данной группы слов проявляются в тексте, при их согласовании с глаголами и прилагательными. В статье анализируется также роль феминитивов как национально-культурного символа.

Ключевые слова: феминитив, грамматический род, существительные общего рода, согласование.

The problem of feminine *nomina agentis*, or femininitives, is one of the painful areas of Slavic grammar. The formation of female nominations from male stems in various Slavic languages has varying degrees of regularity. In the Russian language, the background for this word-formation process is the presence of a large number of nouns of the “common gender”, which can name both men and women (*неряха, забияка, зануда, лидер, товарищ*, etc.). The peculiarities of the functioning of this group of words appear in the text when they are coordinated with verbs and adjectives. The article also analyzes the role of femininitives as a national and cultural symbol.

Keywords: feminine, grammatical gender, common gender nouns, agreement.

1. Введение

Сегодня нет никаких оснований к тому, чтобы оспаривать биологическую и социальную равноценность и равноправие мужчин и женщин —

в XXI веке это было бы смешно. Статус женщины в европейском обществе, уровень ее образования и способностей, умение отстаивать свои права — все это не требует комментариев. Женщины руководят государствами, служат в армии, создают бизнес-структуры... Показательно также, что в русскоязычном сознании, наряду с физиологическим понятием «пол», укореняется понятие «гендер» — как социопсихологическое представление о биологическом поле. Очевидно, есть ситуации, когда эти две характеристики не совпадают. Однако когда речь заходит о словесных обозначениях женщин в славянских языках — феминитивах, то это порождает не прекращающиеся споры. В частности, неоднозначную оценку получают распространяющиеся в русской разговорной речи номинации вроде *лауреатка*, *режиссерка*, *байкерша*, *гребчиха* и т. п. (Еремин 2006: 14–15). Усугубляет ситуацию то, что каждый язык имеет на данную проблему свою «точку зрения», соответствующую историческим традициям и словообразовательным потенциям данного языка.

Если бы сторонники эмансипации женщин, затрагивающие тему словесных обозначений, проконсультировались с лингвистами, то они в который раз услышали бы то, что язык не копирует действительность, не отражает ее зеркально, а отображает ее, преломляя в соответствии со своими внутренними законами и традициями. И это касается не только обозначений женщин, но и общих правил номинации и коммуникации. Мы ведь говорим по-русски *громоотвод*, хотя понимаем, что сей предмет вовсе не гром отводит, а разряд молнии. Мы говорим *солнце всходит и заходит*, понимая архаичность такого — докоперниковского — взгляда на Вселенную. Подобных примеров — множество, и они объясняются не только консервативностью языка, его «отсталостью от жизни».

Языковой знак образуется условным соответствием двух планов: формы и содержания, и эта условность не всегда подчиняется логике. Обо всем биологическом роде кошек мы говорим: *кошки*, употребляя существительное женского рода, а обо всем биологическом роде волков — *волки* (существительное мужского рода). Где тут логика? В некоторых непростых ситуациях мы говорим по-русски *меня угораздило* (что-то сделать) или *его развезло*, как бы снимая с субъекта ответственность за его действия, хотя человек сам обладает рассудком. Мы легко скажем *Его разобрал смех*, а вот *Его разобрал стыд* — не говорят... Все это говорит об относительности, условности языкового значения, о специфичности языковой картины мира, которая не совпадает и не должна совпадать с реальной, научной. Это надо иметь в виду и тогда, когда мы обращаемся к вопросу о наименованиях женщин.

2. Постулаты исследования феминитивов

Первая предпосылка: борьбу за права женщин следует отличать от борьбы с языковыми установлениями. Это касается и массовых акций,

и основополагающих официальных документов. В частности, в Конституции Республики Беларусь (статья 32) записано:

«Женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья» (Конституция 2019: 10).

Обратим внимание: женщинам предоставляются «равные права с мужчинами», а не мужчинам — равные права с женщинами! Вот где изначально таится дискриминация, а не в том, чтобы студентку в какой-то ситуации назвать *студентом*!

Вторая предпосылка: надо понимать, что женщина постепенно отвоевывала у мужчин себе место в этом мире, и следы этой борьбы несомненно сохраняются в языке. На материале славянских языков хорошо видно, как статус женщины в обществе первоначально устанавливался по ее отношению к мужчине — отцу или (после замужества) — мужу. Так, Н. А. Павленко, исследовавший историю женских наименований в белорусском языке, показал, что в XIV–XVIII веках картина в этом смысле была весьма пестрая. Существовало большое количество словообразовательных средств (суффиксов), служащих для образования феминитивов (Паўленка 1978: 28). Однако между ними существовала функциональная специализация.

С помощью формантов *-ов-ая (-ев-ая)*, *-ин-ая (-ын-ая)* образовывались феминитивы от названий профессий, рода деятельности, социального положения мужа: *гетманавая, енералавая, ключниковая, ротмистровая, возничиная...* (т. е. «жена гетмана», «жена генерала» и т. д.).

С помощью форманта *-н-а (-овн-а, -евн-а)* образовывались феминитивы от названий вида деятельности и социального статуса отца: *королевна, стольниковна, каштеляновна, маршалковна...* (т. е. «дочь короля», «дочь стольника» и т. д.);

«И только дериватемы *-к-а, -н'-а, -иц-а* и другие могли производить семантически разнородные фемининные *Nomina agentis*» (Там же: 123), обозначавшие свойства, присущие женщинам в ту эпоху: *акторка, цыганка, пастушка, корчмарка, небожыца, старица, грекия...* Эти номинации — зародыш будущих истинных феминитивов.

Понятно, что перед нами проблема не столько собственно языковая, сколько социолингвистическая: за нею стоит развитие общественных отношений, закрепление за женщиной определенной роли в семье, зачатки прогресса в правовой, экономической и технической сфере и т. д. Действительно, до тех пор, пока женщина находилась в тени мужчины, ее статус и определялся по этому мужчине. Причем на том историческом этапе обозначение женщины «через мужчину» служило и своего рода оберегом: мужчина выступал как защитник и гарант социальной значимости женщины. Итак, мы видим, что процессы номинации теснейшим образом связаны с процессами, протекающими в социуме.

Третья предпосылка: необходимо учитывать возможность разного выражения одних и тех же значений. В одних языках синтаксические отношения между словами выражаются преимущественно флективно (это языки синтетического строя), а в других — с помощью служебных слов и словопорядка (это языки аналитического строя). Качество передаваемой информации от этого не страдает. Точно так же и гендерные различия необязательно должны быть выражены морфологическими (словообразовательными) единицами. Для этого существуют и другие языковые средства.

Далее рассмотрим, как противопоставление у живых существ по полу (а у людей — и по гендеру) выражается в русском языке.

3. Мужские и женские *nomina agentis*

Половое (биологическое) основание категории грамматического рода, казалось бы, очень наглядно прослеживается в парах типа *медведь* — *медведица*, *козел* — *коза*, *заяц* — *зайчиха*, *кот* — *кошка*, *голубь* — *голубка* и т. д. В этот ряд хорошо вписываются и обозначения людей, использующие те или иные словообразовательные средства: *спортсмен* — *спортсменка*, *пианист* — *пианистка*, *ученый* — *ученая*, *супруг* — *супруга*, *доктор* — *докторша*. Существительные, входящие в такую пару, называются соответственно **маскулитив** и **феминитив**. Случается при образовании пары и супплетивное использование другой основы: *мужчина* — *женщина*, *баран* — *овца*, *петух* — *курица* и т. п. Но общая закономерность тут просматривается легко: мужской пол соответствует мужскому грамматическому роду, женский пол — женскому роду.

Однако на деле «равноправие» полов тут мнимое. Дело в том, что одно из этих существительных (чаще слово мужского рода) принимает на себя общее значение всего биологического вида или класса людей. Мы скажем: *Белорусские спортсмены завоевали несколько медалей* (не различая спортсменов-мужчин и спортсменок-женщин). Это значит, что в русском языке есть гипероним *спортсмен*, обозначающий человека любого пола, занимающегося спортом, и гипоним *спортсмен*, обозначающего мужчину, занимающегося спортом (ср.: Tafel 1997: 96). Или рассмотрим выражение: *В сибирских лесах водятся медведи*. Очевидно, что в число «медведей» здесь включаются и медведицы. Или еще пример: *Я не люблю кошек* (имеются в виду, разумеется, и коты). Такова условность, языковая традиция: обобщать представителей разных полов «под крышей» существительного какого-то одного грамматического рода. Эта традиция особенно ярко проступает во множественном числе, когда называется целый класс живых существ, или же в единственном, но в сочетании с квантификаторами *все*, *каждый*: *Все студенты должны пройти медицинский осмотр*; *Каждый студент должен...* и т. п.

Часто человеку и не нужно обращать внимание на пол животного. Если он говорит: *Ко мне на балкон прилетают голубы*, то какая ему разни-

ца, кто из них самка, а кто — самец? Если мы слышим от крестьянина: *Лисица у нас таскает кур*, то какого пола животное-хищник — совершенно неважно. Фактически категория грамматического рода нужна в языке для другого — для выражения в предложении связи между словами, т. е. для согласования существительных и местоимений с глаголами и прилагательными. Есть такая хорошая шутка: *Как отличить зайца от зайчихи? Надо животное поймать и отпустить. Если побежал — значит, заяц. А если побежала — зайчиха.*

Согласовательная функция категории грамматического рода совершенно очевидна в случае со средним родом (у которого никакого «полового», т. е. биологического, основания не просматривается). Характерно, кстати, его изначальное латинское название: *neutrum* 'ни тот, ни другой' или современные польское *nijaki*, белорусское *ніякі*. Хотя существительных среднего рода и в количественном отношении несравненно меньше, чем мужского или женского, и в языковой идеологии они занимают не столь важное место, свою согласовательную функцию они выполняют вполне исправно.

На аллюзиях к противопоставлению по биологическому полу основана и мифопоэтическая (символическая) функция грамматического рода. «Олицетворение» небесных сил и земных стихий, континентов и стран, растений и артефактов — тема, давно занимающая лингвистов (Буслаев 1959: 299–305; Буслаев 1992: 241–254; Гин 1996: 26–35; Норман 2019: 363–364 и др.), но мы здесь от нее отвлекаемся.

Возможность обозначения вида через род (в таксономической терминологии) или гипонима через гипероним, т. е., к примеру, названия зайчихи *зайцем* и т. п. — существенная особенность, осложняющая «парный» характер словесных номинаций. Получается, что противопоставление мужского и женского грамматического рода носит не эквиполентный, а привативный характер: один из членов оппозиции оказывается семантически маркирован (Трубецкой 2000: 80). Идею формальной и семантической маркированности существительных женского рода развивал Р. Якобсон, а мужской род определялся им как немаркированный, «неженский» (Jakobson 1971: 184). Позже об «отмеченности значения» женского рода писал М. В. Панов (1999: 166–168). В целом, с учетом указанных выше таксономических оговорок, эту трактовку можно принять, хотя общепринятым психологическим установкам она не соответствует (Норман 2006: 158). Кроме того, заметим, что в некоторых парах слов именно существительное женского рода выступает как немаркированное, ср.: *кошка* и *кот*, *балерина* и *балерун*, *доярка* и *дояр* и др.

Прецеденты образования маскулитивов от феминитивов отмечены в русском языке давно. В 1-й половине XX века наряду с феминитивом *кокетка* начинает употребляться *кокет* (о мужчине), во 2-й половине — наряду с *медсестра* появляется *медбрат* (в 17-томном (ССРЛЯ) первое слово уже есть, а второго еще нет), чуть позже от *доярка* образуется *дояр*, от *вертихвостка* — *вертихвост*, от *поломойка* — *поломой* и т. п.:

— И очень запросто, Владим Андреич, — встрял Ведищев. — Я вам сколько раз говорил: расплодили дармоедов, **вертихвостов** всяких (Б. Акунин. Особые поручения).

Я — артист лопаты, я — тачечник Колымы. И еще я знаменитый магаданский **поломой**. Конечно, шахта убивает (В. Шаламов. О Колыме).

Любопытна история маскулитива *нянь*. Это один из самых известных окказионализмов Владимира Маяковского. В поэме *Хорошо!* (1927) он таким образом характеризует П. Н. Милюкова, министра иностранных дел Временного правительства в 1917 году:

Смахнувши
слезы
рукавом,
взревел усатый **нянь**:
— В кого?

Но эта ироническая номинация со значением «няня-мужчина» прижилась, легализовалась в русском языке (особенно после выхода в 1977 году кинокомедии «Усатый нянь»). Сегодня Национальный корпус русского языка дает на словоформу *нянь* 87 документов, 114 вхождений (www.ruscorgora.ru, дата обращения 14.04.2021). И основная масса этих случаев — это, конечно, форма родительного падежа множественного числа от *няня* (70 вхождений), а также вкрапления из китайского и коми-пермяцкого языков. Но 8 вхождений — это употребления маскулитива *нянь*, например:

А потом Марианна Вениаминовна, которая руководит продленкой, говорит:

— За тобой твой **нянь** пришел. Она так шутит. И мы с Пашей идем домой (Д. Сабитова. Где нет зимы).

Другое «осложнение» системы родовых наименований — наличие в славянских языках слов, которые с одинаковым правом могут называть и мужчин, и женщин. Изначально большинство этих существительных в своем значении имели отрицательный, пейоративный оттенок: *гуляка, жадина, бедняга, задира, забияка, зануда, неряха, грязнуля, недотепа, непоседа, кривляка, пьяница, плакса, соня, воображала* и др. Такие существительные принято называть словами **общего рода**. Склоняются они по «женскому» типу (*неряха, неряхи, неряхе, неряху* и т. д.), но в согласовании обнаруживают признаки или мужского, или женского рода: *У нашего маленького неряхи пятно на рубашке; У нашей маленькой неряхи пятно на рубашке*.

Однако категория существительных общего рода очень быстро стала пополняться другими словами, разнообразными в словообразовательном отношении и не имеющими негативного оттенка в своей семантике: *судья, староста, сирота* и др. В значительной степени это было связано с социальными преобразованиями — с тем, что женщины стали получать в обществе полноценный статус, овладевать новыми профессиями и т. д. Так

получилось, что слова вроде *коллега, депутат, врач, скептик, товарищ, контролер, завхоз* и многие другие стали обозначать не только мужчин, но и женщин. Как говорится в стихотворении С. Михалкова «Мой друг»,

Он красный галстук носит,
Ребятам всем в пример.
Он — девочка, он мальчик,
Он — юный пионер!

Очевидно, быть *пионером* (существительное общего рода) — важнее, чем свойство быть девочкой или мальчиком. Поэтому же в Советском Союзе существовал журнал *Коммунист* (для женщин была только специализированная *Работница*), в России и поныне существует звание «Народный учитель», а популярная социальная сеть называется «Одноклассники» — хотя женщин в этой сети не меньше, чем мужчин... Конечно, кому-то (прежде всего борцам за права женщин: феминисткам и феминистам) это не нравится. Но в реальной русской речи сегодня встречаются и *инженер Петрова*, и *наша врач сказала*, и *товарищ Кононенко ошиблась* и т. п. Пример из рассказа Василия Шукшина:

Деятель высморкалась, сделала «кхм», «кхм» и продолжала:
— Они лысеют, а людей на земле уменьшается... (*В. Шукшин. Три грации*).

И еще одна цитата:

— Вы ответите! **Товарищу Трапезунд** за меня попадет! (*Е. Шатко. Когда заболит Оми...*).

Товарищ — слово общего рода. Если было бы *товарищу Трапезунду*, то это было бы обозначение мужчины. Но раз фамилия *Трапезунд* не склоняется, значит, это — женщина.

Заметим, что названия сугубо женских профессий, вроде *сестра-хозяйка, кастелянша, кухарка, техничка, машинистка* при большой необходимости тоже могут стать существительными общего рода, хотя эти употребления несут на себе налет окказиональности, ср.:

Но **посетил** его только **сестра-хозяйка**: бесшумно сервировал стол и пропал... (*Д. Иванов, В. Трифонов. Кум королю*).

4. Проблема существительных общего рода

Опасения или сомнения, связанные с употреблением существительных общего рода, двояки.

Во-первых, слова общего рода в речевой деятельности конкурируют с грамматическими гипонимами — феминитивами и маскулитивами. Внешне они могут быть похожи на существительные мужского рода (*инженер, врач*) или женского рода (*гуляка, полукровка*). Женщина может сказать о себе: «Я старый холостяк» (так говорит героиня популярного кинофильма «Служебный роман»), а мужчина может сказать о себе: «Я кокетка»,

и это не меняет половой сущности человека. Строго говоря, следовало бы считать гипероним и гипоним разными словами, см., например (Иомдин 1980: 458–459), но это порождает дополнительные лексикографические проблемы: надо ли в таком случае давать в словаре отдельно *зануда*₁ как 'нудный человек' (любого пола) и *зануда*₂ как 'нудный человек мужского пола'?

Мы в данном случае сохраним верность лингвистической традиции (понятию и термину «существительные общего рода»). Но обратим еще раз внимание на то, что применительно к названиям лиц существительное общего рода (гипероним) оказывается более официальным и «высоким» наименованием, чем гипоним-феминитив.

В следующей газетной заметке говорится о предстоящих встречах российских теннисисток с чешскими.

Макарова всегда играет достаточно ровно. <...> Скорее всего она сыграет с Петрой Квитовой. Квитова — **лидер** чешской сборной. Шафаржова — хороший **член** команды, крепкий **орешек**. Они все настоящие **борцы** (*Известия*. 13.11.2015).

Лидер, член команды, орешек, борец — вот какими «мужскими» эпитетами награждаются девушки! В этом отражается, с одной стороны, архаичная «андрогенная» идеология русского языка, а с другой — пределы его словообразовательных возможностей.

Таким образом, использование существительных общего рода в качестве *nomina agentis* в русском языке закрепилось традицией и кодифицировалось. А употребление гипонима — феминитива или маскулинитива — упирается в стилистические критерии. Чем дискурс официальнее (серьезнее, «казеннее»), тем предпочтительней выбор существительного общего рода. Чем текст разговорнее, «интимнее», тем естественнее употребление гипонима. Приведем несколько примеров из художественной литературы, в которых *nomina agentis* употреблен как гипероним.

— ...Все это нам рассказывала еще в селе учительница литературы Эда Генриховна Шутенберг... Она потом исправилась, была восстановлена. И **орденоносец** даже сделалась (*В. Астафьев*. Печальный детектив).

Рассказывает мне, глаза сияют, сама изможденная, руки трясутся, типичный **фанат**. Но умница (*Д. Гранин*. Картина).

Выясняется, что в идеологическом отношении международный **лауреат «подкачала»** (*Д. Рубина*. Чем бы заняться?).

— Не надо мне шить антисемитизм, — продолжал бушевать Мутафов. У меня бабушка **еврей!** (*И. Олейников*. До встречи в «Городке»).

— Вы говорите по-итальянски, **считчик?**

Софа ответила:

— Нет еще (*Л. Петрушевская*. Найди меня, сон).

Использовать в этих контекстах феминитивы *орденоноска, фанатка, лауреатка, еврейка, считчица* оказалось невозможно. Некоторые языковеды говорят об обидном или даже «оскорбительном» характере таких номи-

наций (Бортник 2001: 52). Однако в иных дискурсивных условиях подобные образования вполне естественны. Так, используемые в следующих цитатах существительные *лауреатка* и *палачка* (в речи персонажей) служат сигналами непринужденного общения:

— ...А потом в ридикюле роется, пятерку дает. Это пятерку-то за перстень бриллиантовый! Он, небось, тыщи три стоит... А еще **лауреатка!** (Е. Евтушенко. Ягодные места).

— А ты меня не учи! — взбесился Брагин. — Когда надо, я вам, бабам, полный миль пардон могу устроить! Потому и липнете ко мне! Но ты — **палачка!** Недостойна! (Н. Андреева. Правая рука смерти).

А вот употребление в следующем интернет-контексте номинации *пресс-секретарша*, можно считать, намеренно нацелено на снижение официального статуса лица, его «десакрализацию»:

Пресс-секретарша белорусского президента Наталья Эйсмонт, согласно многочисленным публикациям в прессе (в том числе телефонных разговоров с Басковым), является членом той же банды тонтон-макутов (www/regnum.ru/news/polit/3163617.html, дата обращения 15.01.2021).

В целом считать, что использование гиперонимов общего рода включает в себе дискриминацию лиц женского пола, представляется нам упрощением проблемы. Повсеместное внедрение или «навязывание» социальных феминитивов (*режиссерка*, *хирургиня*, *борчиха* и т. п.) невозможно без стилистических потерь и отдаст в глубине семантическим идеализмом: это представление о том, что стоит изменить названия, и мир станет другим. По мнению Предрага Пипера, подобные «попытки идеологического инжиниринга в грамматике» небезопасны и не должны оставаться вне внимания лингвистов (Пипер 2014: 84). Это значит: можно, конечно, говорить «лауреатка» или «режиссерка», но сами по себе данные названия престижа женщинам не прибавят, а иллюзию общественного прогресса создают.

Возвращаясь к проблемам, связанным с употреблением существительных общего рода, укажем и на вторую из них. Согласование существительных типа *декан* или *бухгалтер* с определениями в женском роде не очень хорошо оценивается носителями языка — и это пока речь идет о формах именительного падежа: *?наша декан* или *?опытная бухгалтер* (Граудина и др. 1976: 100–101). Что же касается косвенных падежей, то считается, что согласование здесь вообще возможно только в форме мужского рода. Запрещаются сочетания типа: **у нашей декана* или **к опытной бухгалтеру*, допускаются только: *у нашего декана*, *к опытному бухгалтеру*. Впрочем, и этот запрет не такой уж строгий, ср. факты речи:

Хозяин подмигивает **знакомой** ему **экскурсоводу Марине** и заводит пластинку (П. Вайль. Карта Родины).

Нас было человек 50. Пришли те, кто был в Минске. За день до этого я написала **нашей ректору** и **министру культуры**, чтобы они тоже присутствовали... (<https://people.onliner.by/2020/08/31/uvolena-rektor-bguki>, дата обращения: 15.04.2021).

В целом получается, что если изначальные номинации общего рода (*неряха, задира, староста* и т. п.) вполне вписались в систему русского словоизменения, то поздние, по выражению И. Г. Милославского, «неудачливые», кандидаты на эту роль (*декан, бухгалтер, доктор* и т. п.) так и застыли на середине своего эволюционного пути.

Более того, непоследовательность или незавершенность этих шагов дают лингвисту основания для своего рода упрека, адресованного языку:

«Остается не выполненным наилучшим образом очевидный социальный заказ времени, когда женщины стали активно выполнять те социальные роли, которые раньше были привилегией мужчин. Отражая в языке именно предшествующий этап жизни, язык не сумел эффективно откликнуться на изменения в общественной жизни, просто и последовательно отразив эти социальные изменения» (Милославский 2017: 57).

Впрочем, с учетом условности языкового знака и самобытности языковой системы, о чем шла речь в начале статьи, этот упрек кажется безосновательным. Язык решает свои проблемы в меру своих сил и состояния. Если носитель языка сталкивается в своей практике с какими-то коммуникативными неудобствами, он всегда найдет средство их обойти.

5. Постоянство или изменчивость рода?

Очередная проблема, связанная с использованием категории грамматического рода, заключается, как ни странно, в его неустойчивости, т. е. в возможности относительно свободного изменения классификационного значения слова. Выше шла речь о парах существительных, мотивированных различиями в биологическом поле (*медведь и медведица, козел и коза, супруг и супруга, спортсмен и спортсменка...*). Но сознание носителя языка, опираясь на эти прецеденты, склонно распространять данное противопоставление на другие случаи. Причем подобная экстраполяция охватывает не только живые существа (*клоп — клопа, тигр — тигра, обезьяна — обезьян, морж — моржа, пчелка — пчелк, фея — фей, гад — гада, кумир — кумира* и т. п.), но и существительные предметной семантики. В последнем случае перед нами — игра чисто формального свойства: появляются номинации типа *оливк, кепк, половин, чуд, тела* 'тело', *ливня* и др. (ср.: Норман 2006: 166–170). Несколько свежих примеров:

Вражья килька не просклизнет в наши воды! **Чуждый мышь** не прошмыгнет! И спасибо за это всем заставам, эскадрильям и кораблям (*М. Мишин. Граница*).

— Да, Сашка, — начал выносить вердикт Ким, — ты поведал нам не безынтересный внемирный **чушь**!

Слово «чушь», да еще употребленное в мужском роде, напомнило мне о свином рыле в калашном ряду (*А. Бабенков. Ким — первые встречи*).

попили-поели
потом оказалось

что это не муза, а **муз**
и возник опять-таки
творческий союз

(Л. Петрушевская. Стихи(хи)).

Ах, ваш романс, мадам! Вы — самая музыкальная **милиционера** на Земном Шаре! (В. Соснора. Город, в котором заблудился юмор).

Можно было бы не придавать особого значения этому варьированию родового значения, относя его на счет травестийной природы языковой игры. Но симптоматично, что данное явление носит весьма распространенный или даже массовый характер. А в фантастических сказках Людмилы Петрушевской игра с грамматическим родом — один из текстообразующих приемов, ср.:

Однажды **волк Петровна** долго **ждала** мужа Семена Алексеевича, он обещался внести на питание, но позже возможности Петровны кончились, она сказала детям «айда» и стала складывать скатерти и трехлитровые банки...

Как-то раз **лягушка Самсон**, так бывает, **вывалил** свой слишком длинный язык (мимо **пролетала комар Томка**), и тут внезапно хлопнула дверь, сквозняк. И лягушку Самсона заклинито... («Дикие животные сказки»).

Все указанные оговорки, сопровождающие использование грамматического рода в русском языке, повышают прагматическую ценность этой категории. С помощью родовых показателей оказывается возможным передавать массу дополнительной стилистико-дискурсивной информации. И потому следует согласиться с Л. В. Зубовой:

«Категория рода — предмет постоянной языковой рефлексии, языковой игры — прежде всего потому, что она непоследовательно мотивирована в языке и нечетко структурирована на разных участках системы» (Зубова 2000: 300).

6. Феминитивы как символ национально-культурной самобытности

Проблему обозначения лиц женского пола различные славянские языки решают по-разному. В некоторых из них феминитивы — многочисленный и регулярно пополняемый класс. Так, В. Ф. Васильева демонстрирует «практически неограниченные возможности аффиксальных образований в чешском языке» на примере как раз феминитивов:

«В чешском языке благодаря чрезвычайно высокой степени деривационной стандартизации от любого существительного мужского рода со значением лица, за единичными исключениями, автоматически образуются существительные женского рода: *docent — docentka, děkan — děkanka, dirigent — dirigentka, inženýr — inženýrka, filolog — filoložka, lékař — lékařka, pedagog — pedagožka, psycholog — psycholožka, ředitel — ředitelka, sochař — sochařka, profesor — profesorka, archeolog — archeoložka, architekt — architektka, skladatel — skladatelka, soudce — soudkyně, vůdce — vůdkyně, biolog — bioložka* и т. д.» (Васильева 2003: 12).

Добавим, что, кроме названий женщин по собственному общественному статусу, в чешском языке активны также именованья женщин по мужу, с использованием иного словообразовательного средства: (paní) profesorová 'жена профессора', (paní) docentova 'жена доцента', (paní) ředitelová 'жена директора', (paní) radová 'жена советника' и т. п. Но здесь учитывается статус мужа: если (paní) profesorová выглядит нормально, то (paní) dělníková 'жена каменщика' — странно или маловероятно.

Г. П. Нещименко видит первопричину этой ситуации в том, что в чешском отсутствует резкая граница между кодифицированной и непринужденной повседневной речью, а последней издревле были свойственны аффиксальные феминитивы (Нещименко 2009: 14–18). В то же время в другом западнославянском языке — польском — возобладали тенденции к признанию важности титулов и званий; это сдерживало «деривационные потенции» имени и приводило к предпочтению маскулинных форм (т. е. существительных общего рода).

По мнению же П. Пипера, те славянские языки, в которых образование феминитивов сегодня наиболее продуктивно — чешский, словацкий, словенский, хорватский, — испытали на себе значительное влияние немецкого языка, и, возможно, это влияние способствовало грамматикализации данного лексического класса (Пипер 2014: 78).

Вообще в разных славянских языках — польском, украинском, болгарском, сербском — образование феминитивов происходит с учетом своих собственных идеологических и семантических обстоятельств, хотя и сталкивается с теми или иными трудностями, уже знакомыми нам по материалу русского языка.

Так, в болгарском языке женские *nomina agentis* представляют собой довольно разветвленный класс. Многие болгарские феминитивы на русский язык приходится переводить описательно, с помощью словосочетаний: *депутатка* 'женщина-депутат', *репортерка* 'женщина-репортер', *екстрасенска* 'женщина-экстрасенс', *парапсихоложка* 'женщина-парапсихолог', *боркиня* 'женщина-борец', *шефка* 'женщина-шеф' и т. д. Тем не менее, в институциональном и просто публичном контексте употребление феминитива может вести к стилистическому снижению, и из-за этого предпочтение может отдаваться социальным гиперонимам типа *депутат*, *репортер* и т. п. Один пример из таблоида *Шок* (2010. № 18):

Битието на красивата българка се свежда до това на много наши **изгнаници** в чужбина — да работят като **болногледачи**. Поредната длъжност на Ваня Цветкова е да обгрижва възрастна жена от еврейски произход.

В публикации речь идет о судьбе «красивой болгарки», которая вынуждена, как и большинство ее соотечественниц-эмигранток, работать сиделками при пожилых или больных людях. Но примечательно, что вместо феминитивов *изгнаничка* и *болногледачка* в отрывке употреблены во множественном числе существительные общего рода: *изгнанник* и *болногледач*.

Для украинского и белорусского языков проблема женских *nomina agentis* имеет особое значение, ибо содержит в себе еще и политическую подоплеку. Феминитивы — одно из средств, которым отводится дивергирующая роль: они помогают отвести, «оттолкнуть» украинский и белорусский языки от их ближайшего родственника — русского языка.

В 2016 году в Вильнюсе вышла книжка В. Гарбацкого «Гід па фэмінізацыі беларускай мовы», большую часть которой занимает словарь белорусских женских номинаций. Автор — несомненный энтузиаст суффиксального обозначения этой категории слов. Среди них приводятся и такие образования, как *акадэміца*, *аракуліца*, *бягуха*, *дэміургіца*, *жандарка*, *кайзерка*, *клясіца* (от *клясік*), *палярніца*, *пасолка*, *пяюха*, *рэфэрка*, *скакуха*, *таварышка*, *тарцюфка*, *траўматалагіня*, *фараонка*... (Гарбацкі 2016). Многие из этих дериватов имеют совершенно виртуальный, умозрительный характер: это резерв словообразовательной системы, который, возможно, никогда не будет востребован обществом. Но расширение данного класса — не просто лингвистический эксперимент, служащий проверке словообразовательного потенциала белорусского языка. С этой категорией слов продолжают связываться несколько наивные социолингвистические надежды:

«Для белорусского языка в отличие от русского не характерна негативная коннотация в номинациях, образованных с помощью данного суффикса. Более того, образование феминитивов от основы существительного мужского рода при помощи суффикса -к- кажется вполне гармоничным и естественным... Феминитивы являются своего рода лингвистическим средством борьбы за гендерное равенство, а феминизация языка представляет собой не только (и, вероятно, не столько) лингвистическое, но и культурное, общественно-экономическое явление. Нововведения вообще, и в языке в частности, всегда воспринимаются обществом с настороженностью, однако необходимо понимать, что использование феминитивов — это значительный шаг к достижению гендерного равенства» (Василенко 2018: 77).

В Украине практически одновременно вышли две монографии, посвященные женским номинациям лица (Брус 2019; Архангельська 2019). Первая из них ценна историческим обзором проблемы и прилагаемым словариком женских номинаций лица (среди огромного объема феминитивов тут фигурируют и такие, как *вуаєрыстка*, *науковчиня*, *партократка*, *ректорка*, *теоретикиня*, *удосконалювачка*, *хронунка* и др.). А вторая интересна своим взвешенным подходом к материалу (учитывающим и плюсы, и минусы феминитивов). Приводя данные опросов, в том числе проводившихся среди украинских коллег-филологов, А. Архангельская предлагает читателю самому оценить перспективы развития данного словообразовательного класса.

Заклучение

Таким образом, сфера грамматического рода в славянских языках оказывается полем действия различных сил. Здесь участвуют и социальные предпосылки (роль женщины в обществе), и собственно языковые законо-

мерности (возможности словообразования и согласования, специфические для каждого языка), и лингвopsихологический фактор. Под последним подразумевается общественная оценка языковых инноваций и в целом метарефлексивная деятельность носителя языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельська Алла. *Femina cognita. Українська жінка у слові й словнику*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019.
- Бортник Галина. «“Обидная” категория». *Русская речь* 2 (2001): 51–54.
- Брус Марія. *Фемінітиви в українській мові: генеза, еволюція, функціонування*. Т. I–II. Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет ім. Стефаника, 2019.
- Буслаев Федор. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1959.
- Буслаев Федор. *Преподавание отечественного языка*. Москва: Просвещение, 1992.
- Василенко Екатерина. «Феминитивы в современном русскоязычном и белорусскоязычном Интернет-дискурсе». Иванов Евгений (ред.). *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте — V: сборник научных статей*. Могилев: Могилевский государственный университет, 2018: 74–78.
- Васильева Валерия. «Семантическая характеристика в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языков)». *Вестник Московского университета. Серия 9.2* (2003): 7–17.
- Гарбацкі Уладзіслаў. *Гід па фэмінізацыі беларускай мовы (Notina agentis i некаторых іншых асабовых намінацыяў)*. Вільня: Ігар Іваноў, 2016.
- Гин Яков. *Проблемы поэтики грамматических категорий*. Санкт-Петербург: Академический проект, 1996.
- Граудина Людмила, Ицкович Виктор, Катлинская Лия. *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. Москва: Наука, 1976.
- Еремин Александр. *Гендерные аспекты семантики языковых единиц современного русского языка (лингвистические, социологические и психологические наблюдения)*. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2006.
- Зубова Людмила. *Современная русская поэзия в контексте истории языка*. Москва: Новое литературное обозрение, 2000.
- Иомдин Леонид. «О русских существительных так называемого общего рода». *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 39/5 (1980): 456–461.
- Конституция Республики Беларусь 1994 года* (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Алмафея, 2019.
- Милославский Игорь. «Человек: пол неизвестен, а род мужской, и это не сексизм». *Русская речь* 1 (2017): 50–59.
- Национальный корпус русского языка* (Электронный ресурс) — www.ruscorgpora.ru
- Нешименко Галина. «Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития». Красных Виктория и др. (ред.). *Язык, сознание, коммуникация*. Сборник научных статей. Выпуск 38. Москва: МАКС Пресс, 2009: 10–25.
- Норман Борис. «Лингвopsихологические аспекты грамматической категории рода». *Russian Linguistics* 30 (2006): 153–174.
- Норман Борис. «Род в языке vs. гендер в сознании (когнитивные и социопсихологические аспекты)». *Slavistična revija* 67/2 (2019): 361–370.
- Панов Михаил. *Позиционная морфология русского языка*. Москва: Наука — Школа «ЯРК», 1999.
- Паўленка Мікалай. *Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1978.
- Пипер Предраг. «О грамматикализации сербских феминитивов». Nomachi Motoki et al. (eds.). *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages*. Proceedings from

- the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slaviists. München et al.: Verlag Otto Sagner, 2014: 75–85.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. Москва: Издательство АН СССР, 1948–1965.
- Трубецкой Николай. *Основы фонологии*. Москва: Аспект Пресс, 2000.
- Jakobson Roman. «The gender pattern in Russian». In: Jakobson Roman. *Selected Writings 2. Word and Language*. The Hague — Paris: 184–186.
- Tafel Karin. *Die Frau im Spiegel der russischen Sprache*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1997.

REFERENCES

- Arhangel's'ka Alla. *Femina cognita. Ukraïns'ka zhinka u slovi j slovníku*. Kiïv: Vidavnychij dim Dmitra Burago, 2019.
- Bortnik Galina. «“Obidnaja” kategorija». *Russkaja rech'* 2 (2001): 51–54.
- Brus Maria. *Feminitivi v Ukraïns'kij movi: geneza, evolucija, funkcionuvannja*. Т. I–II. Ivano-Frankivs'k: Priкарпатс'kij nacional'nij universitet im. Stefanika. 2019.
- Buslaev Fedor. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*. Moskva: Uchpedgiz, 1959.
- Buslaev Fedor. *Prepodavanie otechestvennogo jazyka*. Moskva: Prosveshhenie, 1992.
- Vasilenko Ekaterina. “Feminitivy v sovremennom russkojazychnom i beloruskojazychnom Internet-diskurse”. Ivanov Jevgenij (ed.). *Vostochnoslavjanskije jazyki i literatury v evropejskom kontekste — V: sbornik nauchnyh statej*. Mogilev: Mogilevskij gosudarstvennyj universitet, 2018: 74–78.
- Vasil'eva Valerija. “Semanticheskaja harakterologija v kontekste sopostavitel'nogo izuchenija jazykov (na materiale cheshskogo i russkogo jazykov)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9.2* (2003): 7–17.
- Garbacki Uladzislaŭ. *Gid pa ffeminizacyi belaruskaj movy (Nomina agentis i nekatoryh inshyh asabovyh naminacyjaŭ)*. Vil'nja: Igar Ivanoŭ, 2016.
- Gin Jakov. *Problemy pojetiki grammaticheskikh kategorij*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij projekt, 1996.
- Graudina Ljudmila, Ickovich Viktor, Katlinskaja Lija. *Grammaticheskaja pravil'nost' russkoj rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarja variantov*. Moskva: Nauka, 1976.
- Eremín Aleksandr. *Gendernye aspekty semantiki jazykovykh edinic sovremennogo russkogo jazyka (lingvisticheskie, sociologicheskie i psihologicheskie nabljudenija)*. Kaluga: KGPU im. K. Ciolkovskogo, 2006.
- Zubova Ljudmila. *Sovremennaja russkaja poezija v kontekste istorii jazyka*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.
- Iomdin Leonid. “O russkikh sushhestvitel'nykh tak nazyvaemogo obshhego roda”. *Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka* 39/5 (1980): 456–461.
- Jakobson Roman. “The gender pattern in Russian”. In: Jakobson R. *Selected Writings 2. Word and Language*. The Hague — Paris: 184–186.
- Konstitucija Respubliki Belarus' 1994 goda* (s izmenenijami i dopolnenijami, prinjatymi na respublikanskikh referendumah 24 nojabrja 1996 g. i 17 oktjabrja 2004 g.). Minsk: Almafeja, 2019.
- Miloslavskij Igor'. “Chelovek: pol neizvesten, a rod mužskoj, i jeto ne seksizm”. *Russkaja rech'* 1 (2017): 50–59.
- Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (Jelektronnyj resurs) — www.ruscorpora.ru
- Neshhimenko Galina. “Sushhestvitel'nye zhenskogo roda so znacheniem lica v cheshskom i ruskom jazyke: Tendencii razvitija”. Krasnyh Viktorija et al. (eds.). *Jazyk, soznanie, komunikacija*. Sbornik nauchnyh statej. Vypusk 38. Moskva: MAKSPress, 2009: 10–25.
- Norman Boris. “Lingvopsihologicheskie aspekty grammaticheskoi kategorii roda”. *Russian Linguistics* 30 (2006): 153–174.
- Norman Boris. “Rod v jazyke vs. gender v soznanii (kognitivnye i sociopsihologicheskie aspekty)”. *Slavistična revija* 67/2 (2019): 361–370.
- Panov Michail. *Pozicionnaja morfologija russkogo jazyka*. Moskva: Nauka — Shkola «JaRK», 1999.
- Paŭlenka Mikalaj. *Narysy pa belaruskamu slovaŭtvaryennju. Zhanochyja asabovyja naminacyi ŭ starabelaruskaj move*. Minsk: Belaruskí dzjarzhaŭnyj universitet, 1978.

- Piper Predrag. "O grammatikalizaciji serbskih femininativov". Nomachi Motoki et al. (eds.). Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages. Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slaviists. München et al.: Verlag Otto Sagner, 2014: 75–85.
- SSRLJa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. T. 1–17. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948–1965.
- Trubeckoj Nikolaj. *Osnovy fonologii*. Moskva: Aspekt Press, 2000.
- Tafel Karin. *Die Frau im Spiegel der russischen Sprache*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1997.

Борис Норман

ПРОБЛЕМ ФЕМИНИТИВА: ОБЈЕКТИВНА РЕАЛНОСТ, ЈЕЗИЧКА СЛИКА СВЕТА И МЕТАЈЕЗИЧКА ПРОЦЕНА

Резиме

Именовање жена један је од актуелних проблема словенске граматике. У већини случајева називи за животиње и за лица женског пола граде се од именица које означавају животиње и лица мушког пола. Овај процес историјски је мотивисан друштвеним околностима. Самим тим у језику се појављује семантичка и творбена опозиција „маскулитив — феминитив“, у којој је маркиран други члан. Ипак, у раду је показано да ова опозиција има сложенији и динамичнији карактер. Као прво, понекад је маркирана управо именица мушког рода (*рус.* кот, балерун, дояр); као друго, категорија рода у језику нема толико класификациону, колико улогу слагања; као треће, једна од именица која чини пар (најчешће маскулитив) преузима функцију хиперонима; као четврто, све особености употребе феминитива и маскулитива обојене су нијансама прагматизма. Основно питање у овој области јесте употреба именица такозваног заједничког рода, које могу да се односе како на мушкарце, тако и на жене (*рус.* неряха, зануда, лидер, депутат, товариш и сл.). Ове именице су у својству хиперонима стилски прихватљивије (неутралније) од хиперонима женског рода. У датој области сударају се норме књижевног језика и живе тенденције колоквијалног говора. У раду је показано да се у различитим словенским језицима (чешком, пољском, бугарском, руском) феминитиви граде од маскулитива с различитим степеном правилности. У вези с тим, феминитиви се могу користити и у својству национално-културног симбола, нарочито у украјинском и белоруском језику.

Кључне речи: феминитив, граматички род, именице заједночког рода, слагање.